

НИКОЛАЙ РУБЦОВ. ИСТОКИ СУДЬБЫ

(Опыт филологической прозы)

Сестре Алле, Борису Гуляеву

*«Андрей, Рубцов --- это океан,
мы отхлебнули от него чуть!»*

Вячеслав БЕЛКОВ

1.

3 января високосного 1936 года в пятницу, посреди самой строгой недели Рождественского поста, явился миру Николай Рубцов. Родился он в селе Емецк Северного края.

Давний спор Архангельска и Вологды кому из них считать Рубцова своим достоянием земляком разрешается очень просто: и тому, и той — оба города в обширный Северный край и входили. В автобиографиях поэт место своего рождения естественно всегда указывал «с. Емецк Архангельской области», но местом зачатия его является Вологда. Семья Рубцовых переехала в Емецк за три месяца до рождения очередного, как теперь окончательно выяснилось, пятого ребёнка.

Ещё не родившийся, но уже *живой* Рубцов (пока без имени Николай) отправился в первую свою поездку по стране, даже очень похоже, что в первую северную «ссылку». Есть веские основания полагать, что многодетная семья Рубцовых струнулась из Вологды не совсем по доброй воле, а в силу чрезвычайных обстоятельств.

Своим рождением в *провинции* Николай Рубцов подтвердил извечное правило: выдающиеся поэты в России рождались в основном в провинции и по усадьбах (и почти всегда осенью). Рубцов тоже оказался в некотором смысле исключением из этих правил, родившись зимой, и даже не просто в провинции, а в таёжной глухомани Русского Севера.

Но — Емецк так Емецк. И знать бы не знать, а где же находится это село в нынешней Архангельской области, которому довелось стать родиной замечательного поэта. По географическому местоположению Емецк — почти самый центр области, хотя бы её западной части. Стоит село на левом берегу реки Емцы, почти при впадении той в Северную Двину.

В Емецке Коля Рубцов пережил первое серьёзное испытание в своей жизни. Лето 1936 года оказалось на Русском Севере катастрофически жарким, многие температурные рекорды которого заново побиты только в признанном 2010 году. У Александры Михайловны начался мастит («закипало грудное молоко»), младенец Николай вечно недоедал, заходясь в истошном крике. Надо думать, что Коля тогда впервые побывал на грани жизни и смерти.

Старшая сестра Надя носила братика на руках по Емецкому лугу, чтобы не утомлять соседей по дому его криком. Но и на улице было тяжко: всюду набрасывался таёжный гнус и мошकारа, спастись от этой напасти не представлялось возможным. Вероятно, нервный стресс, испытанный тогда Колей, сказался на его начальном физическом созревании, ибо многие запомнили его мальчиком излишне тщедушным и совсем уж низенького роста. Да и в зрелые лета Николая Рубцова богатырём никто не называл, хотя здоровье он во время службы на Северном флоте явно выправил до хороших кондиций.

«Емчаком» Николай Рубцов являлся всего двадцать месяцев. Так и осталось тайной: побывал ли он в Емецке в зрелом возрасте? Местный краевед Татьяна Минина считала, что был «только один раз и всего один день». Правда, год приезда так и уточняется. А побывать в Емецке Рубцов мог в 1965 или 1969 году, когда в Архангельске выходили его сборники и он приезжал туда за гонораром, а «крюк» от Архангельска до Емецка совсем ближний, всего лишь несколько часов на теплоходе.

При желании Рубцов мог легко найти родовой дом на бывшей улице Емецкой, 17-а (именно тут по данным паспортного стола была прописана с

октября 1935 года семья Рубцовых), хотя дом к тому времени уже значился по улице Горончаровского, 57. Но памятной доски: «В этом доме 3 января 1936 года родился поэт РУБЦОВ Николай Михайлович» на нём тогда ещё не установили.

Тут надо сделать вот какое уточнение. Из воспоминаний Галины Шведовой (Рубцовой) выходит, что Николай появлялся на свет в роддоме. Все-го скорей Галина Михайловна запомнила момент торжественной регистрации в поселковом Совете, а вот родился Николай всё-таки дома, и роды принимала Раиса Николаевна Рубцова, сама многодетная мать, и местная повитуха, которую емецкие старожилы запомнили как «бабку Устинью».

Мог Рубцов найти и соседей по родному дому — семьи Поршневых и Федоровцевых, но едва ли у него были хоть какие-то зацепки памяти сделать это. Из очерка краеведа Татьяны Мининой выясняется, что емчане припомнили семью Рубцовых и через сорок лет: «По воспоминаниям Александра Ивановича Поршнева и Нины Алексеевны Худяковой (Федоровцевой), жили семьи спокойно и дружно. Нина была одного возраста с Галей Рубцовой. Девочки дружили, играли вместе. Тёти Саша (матери Рубцовых), — вспоминала Нина, — не боялись, она только просила потише бегать, любили мы в прятки играть, ползали под кроватями и столами. Но как только приходил отец, наступала тишина, они боялись его, и Нина моментально убегала домой. А Рубцов-старший, придя домой, заводил сразу патефон. Нина вспоминает, что её мама говорила: «Опять завели патефон, наверное, Михаил пришёл домой». Потом они навспоминали и другие подробности. Не густо, понятно, но для успокоения своей *исторической совести* Рубцову вполне бы пригодились (выражение для *успокоения исторической моей совести* употребил Пушкин в письме к Бенкендорфу, прося допустить его в архив для ознакомления с пугачёвским «делом», а попутно разыскать новые данные о своей родословной).

Последний раз в воспоминаниях о Рубцове Емецк возникает в связи с пребыванием поэта в Архангельске в октябре 1970 года на выездном секретариате Союза писателей РСФСР, посвящённом литературе Русского Севера. Он в составе писательской делегации побывал в Холмогорах, чтобы почтить память Михаила Ломоносова. Тогда на вопрос земляка-северянина, литературоведа Александра Михайлова, не собирается ли он захватить на свою родину, Николай ответил: «На этот раз — нет. Но поеду туда непременно, тянет, как птицу к своему гнездовью. Вологда дала мне приют, согрела мое сиротство, а тут я появился на свет, первый раз на землю ступил...», по-видимому, надеясь установить с малой родиной тесные связи.

2.

И всё-таки... «Николай Михайлович Рубцов родился всё-таки не там, где ему было уготовано природой. --- По-своему справедливо писал Вячеслав Белков. --- А мать-природа готовила это место долго и старательно. Она пестовала лес и поле, шлифовала холмы и горушки, пустила между

ними речку с чудесным названием Стрелица. Сыпнула из горсти веселых птиц и мелкого зверья, подвесила в небе грозного ястреба, который нехотя кружит над этими местами, выискивая полевую мышь или ещё какую добычу. А ветерок прибежал сам собой, и тропинки извилисто пролегли с горки на горку, от реки к лесу. По одну сторону речки — Спасская церковь, венчавшая и крестившая русских крестьян, предков поэта. По другую сторону — срослись на угоре две деревни, Самылково и Денисково. Почти каждый дом был — как крепость семейная — велик и красив. Неповторимые северорусские скаты крыш, венцы. Здесь и было в недавнюю старину, как говорится, полдеревни Рубцовых!»

Прежде всего, благодаря Вячеславу Сергеевичу Белкову, и начались поиски сведений о стародавнем крестьянском роде Рубцовых. Самые глубокие его корни уже разысканы до пятого-шестого колена, и если Самылково — «полдеревни Рубцовых», то очевидно, что фамильные традиции здесь складывались не одно столетие. Вячеслав Белков сообщал о родовых связях Николая Рубцова следующее: «У Андриана Васильевича и Раисы Николаевны Рубцовых было пятеро (по другим данным — семеро) детей: Николай, Михаил (будущий отец поэта), Анна, Александра, София... Михаил женился, стал работать к сельно продавцом, грамотный был. Жили Рубцовы в зимовке, средств не хватало...»

Теперь о родовом древе Рубцовых и Чекалёвых, Рычковых и Тюрнинных известно много больше, но не понять уже никогда главного: а что за люди были прародители Николая Рубцова, что их так удерживало в пределах Биряковской волости Тотемского уезда не одну сотню лет? По отчетливо разумеется только, что многовская укоренённость в родную землю создавала крепкую традицию бытования на земле своих прадедов.

Предки Рубцова не являлись крепостными, а были приписаны в казённую ведомость, то есть считались «государственными крестьянами». По закону государственные крестьяне рассматривались как «свободные сельские обыватели». Им было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы. Прадеды Рубцова не обладали хозяйственной жилкой, раз никто из них не стал «владельцем фабрик и заводов». Надо полагать, что они вели обычное натуральное хозяйство, обрабатывая скудные десятины «отрубленной» земли своим трудом. После революции 1917 года Рубцовы считались бедняками, то есть недвижимого имущества практически не имели.

Скудные сведения, дошедшие до нас, в частности, об Андриане Васильевиче Рубцове, деде поэта, говорят о том, что это был умный человек, углублённый в себя созерцатель людей и природы. Был он «худенький, черноватый-черноватый, сидит, бывало, на приступочке, когда мимо молодёжь на погулянку идёт. Всё сидел, наблюдая за всем, что вокруг делается, всё замечал... Иногда его поведение казалось странным, не как у всех соседей по деревне». Таким его запомнила дочь Софья Андриановна Рубцова.

Есть веские основания полагать, что прародители поэта не особое значение предавали «хлебу насущному», а больше думали о своих душах. Все

в земной жизни обретались глубоко религиозными людьми, а подлинную приверженность православию и воцерковленность (судя по опыту наших дней) можно прививать чаще всего с младенческих лет. И раз мать Николая Рубцова пела в церковном хоре, то тексты канонических песнопений она вряд ли заучивала преднамеренно, а знала их с детских лет, повторая за взрослыми. Бытовало семейное предание, что и жену для своего сына Михаила Раиса Николаевна Рубцова присмотрела в храме Рождества Пресвятой Богородицы села Спасское, обратив внимание на истовую милостивую прихожанку Сашу Рычкову из соседней деревни Логиново.

А другой стороны, что очень похоже, предки Рубцова существовали в стихии русского народного фольклора, являясь неизменными участниками сельских игр и обрядов. Известный собиратель северного фольклора Николай Шауков из села Чучково, соседнего с родиной прадедов Рубцова, многие годы собирал и изучал тексты обрядовых песен Присухонской стороны и всегда поражается их многообразию, запечатлевшему все стороны бытия северного крестьянина от рождения до самых печальных дней. Доподлинно известно, что всевозможный фольклор знала бабушка Рубцова — Раиса Николаевна Рубцова. Она многие годы жила в семье Михаила Андриановича, в том числе в Емецке и в Няндоме, и уж наверняка напевала колыбельные младенцу Коленке Рубцову.

Раису Николаевну надо полагать своеобразной «Ариной Родионовной» для будущего поэта. И понятно, что если фольклор передавался из уст в уста, а чаще всего и по семейным преданиям, то в семьях Рубцовых и Рычковых были и ещё кто-то прежде, кто этот фольклор превосходно знал. Об этом же говорят и несомненные творческие способности Александры Михайловны и Михаила Андриановича Рубцовых.

Одной из семейной традиций северного крестьянства можно считать и передачу имени по наследству. Но имя Николай не прописано родовым по линии отца. Зато здесь встречаются Данил, Лев, Иосиф, Филосов, Аполлос, Андриан... Вероятно, такие имена соответствовали православным святым, то есть давались по дате рождения, но сам выбор подобных имён сообщает нам о том, что имена не несли привязки по «наследству».

Иное дело по линии матери, где новорождённых чаще всего называли по семейной родословной. Пятого ребёнка в семье Рубцовых всего скорее назвала мать Александра Михайловна. Её родного дядю звали Николай Семёнович Рычков (правда, у Михаила Андриановича был старший брат Николай, но в 1936 году он был ещё жив, поэтому едва ли пятого сына назвали в его честь).

Тут же попутно надо разрешить застарелый спор о том, можно ли называть Рубцова «крестьянским поэтом»? Некоторые исследователи слишком упирались в «деревенскую» тему в творчестве поэта, ведя эту традицию от Алексея Кольцова и Спиридона Дрожжина, которые в истории литературы и остались *крестьянскими поэтами*. Кому-то кажется, что предшественниками Рубцова являются Сергей Есенин и «новокрестьянские» поэты 1920-30 годов.

Правильней всего называть Николая Рубцова «крестьянским сыном», хотя официально он родился в семье «совслужащего» (советского служащего) и домохозяйки, правда, крестьянское происхождение которых не вызывает сомнения.

3.

Семейную стезю длинного крестьянского рода Рубцовых пресекает Михаил Андрианович, устроившись продавцом в лавку сельхозкооперации, в 1912 году закончив «двухклассное министерское училище» в селе Спасском («грамотный был»). Некоторые исследователи жизни Рубцова (И.Коняев, Ф.Раззаков) отчего-то сильно невзлюбили Михаила Андриановича, называя его «предателем» и даже «подлецом», бросившим на прозвол судьбы пятого сына.

Но, во-первых, а это доподлинно известно из воспоминаний близких, Николай Рубцов больше походил как раз на отца (ну и на деда тоже), а не на мать и внешностью, и многими чертами характера. Одно это должно бы заставить присмотреться к Михаилу Андриановичу попристальней (генная память хотя и представляется неким фантомом, то есть призрачной и таинственной субстанцией, но наука генетика не сомневается в том, что наследственные признаки передаются от отца и матери, дело только в доминантных пропорциях этих признаков от того или другого родителя). «Можно только предположить, — отмечал один из биографов Рубцова Сергей Багров, — что умением вдохновляться и вдохновлять, зажигательным смехом, жестами, мимикой и походкой Коля скорее похож на отца. А задумчивой грустью глубокого взгляда густоресничных коричневых глаз, добротой и отзывчивостью души, ранимостью чувств, сострадательной нежностью и способностью радоваться за тех, у кого сегодня успех, несомненно — на мать».

Во-вторых, в судьбах отца и сына есть существенная взаимосвязь, которую на поверхностный взгляд не выявишь, но забывать о которой не следует. А эта взаимосвязь выразилось в «бунтарском духе» и в «охоте к перемене мест», отличавших того и другого.

Родился Михаил Андрианович Рубцов 12 сентября 1899 году в Самылкове. Николай Коняев справедливо полагая, что это «типичный ровесник века» (теперь уже двадцатого), почему-то отказывает ему вправе иметь общественно-значимую биографию, видя Михаила Рубцова, предположим, только сельским лавочником или купцом (кем он, кстати, и стал в советское время). Закончив в 1912 году начальную школу, он помогал родителям по личному хозяйству, а, всего скорее, что и просто нанимался батраком. Октябрьская революция 1917 года, понятно, значительно повлияла на его дальнейшую судьбу. В 1919–1921 годах Михаил Рубцов служил в Красной Армии, даже успел повоевать на Западном фронте бесславной советско-польской войны.

Насмотревшись ужасов войны, Михаил Андрианович вернулся в родовой дом в Самылкове, чтобы продолжать размеренно-спокойное быто-

вание русского крестьянина. Он рано женился, первый ребёнок в семье появился в 1922 году. Девочку назвали Надежда. Уже говорилось о том, что старшая сестра четыре года была своего рода нянькой для брата Коли.

Но возвращению домой у Михаила Рубцова начался «бунт» против заведённого в его роду порядка вещей и бедности своей семьи. Он (предположительно) оканчивает школу счетоводов в Тотьме (или в Калникове), ибо в воспоминаниях родных речь идёт о бывшем уездном городе. Он бросает подёнщицу батрака, устроившись в лавку сельхозкооперации. Наконец, он проявляет настойчивую инициативу, чтобы вступить в ВКП (б), что сельскому «лавочнику» сделать было невероятно трудно. Но Михаил Андрианович справедливо предполагал, что членство в партии откроет перед ним новые возможности в жизни. В 1929 году продаётся и родовой дом в Самылкове. Михаил Рубцов с семьёй пускается в двадцатилетнее странствие, завершив их только с постройкой собственного дома в начале 1950-х годов на улице Республиканской в посёлке Ковырино Вологды.

Как говорится, «пути божьи неисповедимы». Пока все биографы Николая Рубцова прошли мимо того факта, что дорогу в село Никольское... проторил ему отец! С 1929 по 1931 год М.Рубцов работал завторготделом Толшменского районного общества потребителей. А центром этого района тогдашние власти «назначили» село Устье Толшменское, имевшее пристань на Сухоне, на которую потом много раз и приезжал поэт на пути в «деревню Николу».

Только самые дотошные краеведы Вологодчины смогут ныне разъяснить, почему именно так районировали Вологодский округ Северного края. Но с огромной долей достоверности нужно предположить, что село Никольское, к тому же — волостной центр, находящееся всего в 25 километрах от райцентра, значилось на особом счету у заведующего торговым отделом М.А. Рубцова. Ибо там была кооперативная лавка, пекарня, маслобояня, наверняка совершались у местного населения закупки ягод, грибов, скобяных и кожаных изделий. Выходит, что всего лишь за двенадцать лет до пятого сына отец уже пообжил те места, которые станут потом для Николая Рубцова почти родными.

В 1931 году Толшменский район расформировали, а поэтому село Никольское в дальнейшем и зафиксировано в составе Тотемского района. А семью Рубцовых уже понесло «ветром эпохи». В 1931 году семья обосновывается в Вологде. Здесь Михаил Андрианович смог повысить образование; встал на учёт в горкоме ВКП(б) (по семейным преданиям: «ярый был коммунист»); поучился в совпартшколе; послужил в учебном подразделении командиров запаса РККА (на Великую Отечественную войну он ушёл в звании старшего политрука, то есть младшего офицера). А ведь это — полуграмотный крестьянский сын, который до 30 лет провёл в замкнутом пространстве достаточно глухой вологодской деревни. Можно смело предположить, что отец Рубцова обладал какими-то неординарными способностями по части устройства жизни своей семьи и сильными личностными качествами.

Первые вологодские годы остаются самыми загадочными в истории семьи родителей Николая Рубцова, и прежде всего в жизни Михаила Андриановича. А они в чём-то повлияли и на судьбу будущего поэта, в частности предопределив место его рождения. Версий на этот счёт несколько, но нижеследующая вологодским краеведам представляется наиболее вероятной.

Дело в том, что устроившись в ОРС (отдел рабочего снабжения) «Леспромсоюза» (после войны — «Вологдалеспром»), Михаил Рубцов обзавёлся тесными связями с начальниками тыловых служб воинских частей 10-й дивизии РККА, расквартированной тогда в Вологде (интенсивная торговля лесом или изделий из него никак не могла пройти мимо начальника ОРСа). Да и со снабженцами других ОРСов тоже, в небольшом городе хорошо знавших друг друга и связанных круговой порукой. А это и была, выражаясь современной терминологией, «торговая мафия» тех лет.

В 1935 году начались первые массовые «чистки» так называемого «большого террора» как следствие убийства 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова. В Вологде репрессивные «чистки» прежде всего и коснулись командного состава частей 10-й дивизии. У Михаила Андриановича хватило ума и жизненного опыта понять, что его связи с военными снабженцами (и другие «торгово-мафиозные» связи тоже) не останутся без внимания следственных органов местного ГПУ. Он «отправил» себя (и будущего сына Колю в утробе жены) от греха подальше в Емецк в добровольную «ссылку», наверняка опираясь на помощь какого-то влиятельного покровителя: очень уж гладко и *своевременно* получались у него перемещения по службе, и, в общем-то, как бы теперь сказали, на должности «хлебные».

Однако «рука советского правосудия» до Михаила Рубцова всё-таки дотянулась. В январе 1938 года его арестовали уже в Няндоме, куда опять-таки, словно замечая следы, как-то стремительно отец Рубцова перебрался из Емецка, где у него к тому времени уже наладилась очень приличная работа и были сносные жилищные условия для многодетной семьи, а в Няндоме должность оказалась на несколько порядков ниже.

Конечно, как отмечал Михаил Суров в полемике с Николаем Коняевым, статья 58-10 — «политическая». Любой «чих» в сторону власти воспринимался как «контрреволюция». И всё-таки экономические правонарушения тоже расследовались по 58-й статье — «производственный саботаж», например. Нет оснований сомневаться, что арест отца Рубцова был вызван какими просчётами (не обязательно, конечно, воровством) по его основной работе, всего скорей — по анонимному «сигналу».

История его освобождения выглядит так же загадочно, как и вся жизнь в Вологде с 1931 года. Пресловутое письмо в адрес 18 съезда РКП(б) едва ли чем-то помогло многодетному страдальцу, хотя сам факт такого письма исключить нельзя. Но, похоже, определяющую роль в этой ситуации сыграло разделение Северного края на Архангельскую и Вологодскую области: архангельским сыщикам не захотелось возиться с бесперспективным «делом», изначальные следы (видимо, через Емецк) вели в соседнюю отныне область. Михаила Рубцова освобождают подчистую, отправив

мартовской морозной ночью в одном пиджачке домой. И он явился домой к сестре Софье в Вологде на улице Урицкого, 32. Значит, остаток следствия он провёл в вологодском «домзаке» на Советском проспекте Вологды, что косвенно и подтверждает «вологодский» след в его деле.

Или опять за спиной Михаила Рубцова замаячила тень некоего «должностного лица» явно высокого полёта, и, вероятно, именно из военных... Надо хорошо представлять реалии советской жизни накануне Великой Отечественной войны, дабы понять, что даже годичное пребывание под следствием «на редкость честного дознания» (С.Багров) напроочь должны сломать партийную и хозяйственную карьеру отца Рубцова. А у него и дальше продвижение по работе идёт в гору. Уже в 1940 году он оказывается привлечённым к военной службе и строжайшим военным тайнам по линии снабжения, получив назначение на должность начальника военторга запасного полка в посёлке Кушуба Вологодской области. Похоже, Михаил Андрианович и впрямь был семи пядей во лбу, раз его так высоко ценило начальство. Какой-то счастливый везунчик, почти беспримерный для предвоенного времени! Но почему-то ныне представляется, что всю долю счастья, отпущенную на семью Рубцовых, Михаил Андрианович и вычерпал до донышка, оставив своим детям от первой жены только самые крохи.

Как быть с этим: «на войне отца убила пуля»?

В 1942 (или в 1943?) году Михаил Рубцов действительно был направлен на Волховский фронт. Но маршевая рота с политруком Рубцовым, ещё не добравшись до передовой, попала под бомбёжку. Политрука контузило, он получил ранение сзади ниже пояса: подобное ранение в настоящем бою расценивалось бы как попытка дезертирства.

Несостоявшийся фронтовик, подлечившись в госпитале в Вологде на улице Батюшкова, был досрочно демобилизован в 1944 году (до конца жизни отец Рубцова прихрамывал). Каким-то образом оказавшись в посёлке Вохтога, и опять на должности начальника ОРСа местного ЛДК, заново женился, и опять создал многодетную семью – таковой видится главная жизненная установка Михаила Рубцова.

В 1948 году новая семья Михаила Рубцова перебралась в Вологду, но хозяйственная карьера Михаила Рубцова пошла на убыль, на пенсию он вышел простым плотником, а умер в 1962 году от рака желудка. Уже в наши дни (к 50-летию со дня смерти) на Горбачёвском кладбище Вологды восстановлена могила Михаила Андриановича, основательно до этого запущенная. Теперь это не столько знак памяти Михаилу Рубцову, сколько дань уважения вологжан его выдающемуся сыну.

4.

Впрочем, впрочем... В литературе о жизни Николая Рубцова как-то сложилось мнение, что роль отца в судьбе поэта оказалась минимизированной. Но так ли это? Есть что-то глубинное в передаче генной памяти от Михаила Рубцова сыну Николаю (и остальным детям тоже). Михаил

Андреанович и его жена Александра Михайловна явно несли в своих душах творческие начала. Оба любили попеть на досуге народные песни и городские романсы, послушать патефон (даже арии из опер!), ходили в вологодские «кино-театры» (так это слово писалось до войны) им. Горького и «Искра», в традиции тех лет устраивали семейные громкие читки художественной литературы, но-видимому, стихов Пушкина и Некрасова, Демьяна Бедного и Маяковского.

Творческие способности от родителей так или иначе передались всем детям. Надежда и Галя превосходно пели, Альберт сочинял стихи (даже публиковался в газетах) и хорошо играл на баяне, Борис имел пристрастие к музыке (учился в музыкальном кружке на баяниста), дети Рубцовых сносно рисовали. Ну, и Коля-Николай... Он самоучкой освоил гармонию, баян, гитару, в детдоме и в техникумах являлся оформителем и автором стенгазет (по-видимому, пытался поступить в художественное училище в Ленинграде), а про поэтическое дарование и так понятно.

Нельзя отказать Михаилу Андреановичу Рубцову и в том, что он успел показать своим детям от первого брака пример традиционного семейного уклада. Он был хлебосол, «душа компании». Даже в Емецке, где семья из семи человек ютилась в двух комнатах, часто бывали гости и постояльцы — сослуживцы отца Рубцова (сообщение краеведа из Емецка Т.Мининой). Всё-таки надо признать, что Михаил Андреанович был широкой натурой, хотя и с известными комплексами выходца из крестьянского сословия, например, «домостроевщиной» и самовластием хозяина дома, явно не ограниченные широким систематическим образованием и надлежащим воспитанием.

Понятно, что после отъезда из Самылкова в 1929 году семья всегда была *безбытной*, живя «на чемоданах» или на «перекладных», всегда поселяясь на служебной или съёмной жилплощади. Но это была настоящая семья! Держалась она до поры до времени на Александре Михайловне, которая искренне и сильно любя мужа, «многое ему прощала».

Пришло время опровергнуть широко гуляющий миф о том, что Михаил Андреанович «забыл» или «бросил» пятого сына, создав новую семью. Ничего подобного! Совсем недавно тотемский краевед Валентина Пritchина, исследуя учётную книгу воспитанников Никольского детдома, обнаружила запись, подтверждающую, что сразу после войны Михаил Андреанович посылал запрос в детдом о судьбе сына Коли. По-видимому, он совершил ошибку, простодушно поведав о своей новой семье, и опытная в подобных семейных коллизиях администрация детдома благоразумно решила об этом письме Коле не сообщать, чтобы не обнадёживать мальчика в излишних ожиданиях встречи с отцом, опасаясь глубоких депрессивных состояний подростка.

А обратный ответ администрации на запрос мог и потеряться, ибо сам-то Михаил Андреанович всё время менял места проживания. Более того, по воспоминаниям Галины Шведовой (Рубцовой), Николай был первым из детей («любимчик отца!»), кого отец и начал разыскивать после

войны. Да и не мог он быть «подлецом» по отношению к сыну, крестьянская совесть и память о крестьянском роде не позволила бы Михаилу Андриановичу забыть о своих кровных детях.

Теперь уже навсегда останется тайной Николая Рубцова то, что заставляло его, повторимся, с какой-то упорной до фанатизма последовательностью отмечать раз за разом в анкетах: «Отец ушёл на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать...», «Родителей лишился в начале войны», «Поскольку родителей лишился рано, воспитывался в детском доме», «Таковых сведений <о родителях> почти не имею». А это утверждалось даже и тогда, когда как раз сведения о родителях у Рубцова уже имелись достаточно определённые. Догадки на этот счёт возможны, но едва ли они ныне приблизят к истине.

Отцовские гены, однако, сказывались в другом: из многих воспоминаний известно, что Рубцов почти всегда с некоторой завистью отмечал отлаженный домашний порядок и устойчивость семейной жизни своих товарищей, часто при этом сожалел, что у него *пока* такого порядка не сложилось. Да и две реальные попытки Николая Рубцова (и несколько пробных) создать полноценную семью сами за себя говорят. И показательно — наследственная черта — как внимательно он относился к детям, не только к любимой дочери Лене, но и ко всем другим тоже.

Отец и сын встретились только в марте 1955 года, сохранилось фотография с надписью: «На долгую память дорогому сыночку Коле. Твой папка М.Рубцов. 4 марта 55 г.». Николаю уже девятнадцать лет, он предстал перед отцом *зрелым* человеком. А дальше случилось то, что и должно было случиться. Проницательный Рубцов-сын увидел далеко не то, что хранил об отце в своей памяти. Вместо *того* отца, сильного и строгого, уверенного в себе человека, перед ним оказался полуспившийся старик-инвалид на исходе жизненных сил и здоровья. Возможно, глядя на *такого* отца, впечатлительный Рубцов представил своё будущее, и это больно покорило его душу. Собственно, в отце он уже не нашёл той опоры, в которой в тот момент в бытовом плане, вероятно, ещё сильно нуждался. И, быть может, пятый сын понял, что через отца уже не установить те дальние родственные связи, которые Николай как всякий русский человек, хотел бы восстановить. Сын потому внешне и *отрёкся* от отца, ибо тот обманул его ожидания на этот счёт.

К тому же, что очень похоже, это были слишком «однополярные» личности, чтобы находиться в длительном соприкосновении. И если бы семейная история Михаила Андриановича повернулась как-то иначе, всего скорей, сын рано или поздно всё равно отца бы покинул, чтобы пойти своей дорогой по жизни. Что, кстати, и сделали сестра Николая Галина и братья Альберт и Борис, которые так и не прижились в новой семье отца. Известно последнее письмо Михаила Андриановича к Николаю, посланное ему за месяц до смерти. Уже смертельно больной отец слёзно умоляет сына о помощи, хотя тот едва ли бы смог реально что-то сделать. На похороны отца Рубцов не успел (он был в колхозе с первым курсом Литин-

ститута), но при первой возможности (на девятый или сороковой день) всё-таки в Вологду приехал... Можно считать, что именно так состоялось запоздалое «примирение» отца и сына.

Отношения отца и сына Рубцовых сложились предельно трагично. Но это отражение всей *трагедии* русского народа, выпавшие на его долю в двадцатом веке. Не вызывает сомнений, что эти отношения значительно повлияли на мировоззренческое становление Рубцова-поэта и, понятно, нашли отражение в его творчестве. Очевидно, что это одна из тайн рубцовского творчества, которую разгадывать ещё и новым поколениям читателей его стихов.

Об Александре Михайловне Рубцовой известно очень немного, а то, что «раскопали» вологодские красаведы, так или иначе уже опубликовано. Она родилась в деревне Логиново Биряковской волости Тотемского уезда 30 марта 1900 года. (Предположительно) окончила Стрелецкую женскую церковно-приходскую школу. Николай Рубцов как-то признавался, что сестру Надю (первую) запомнил отчётливей, чем мать: ««Свою мать почти не помню. Ничего о ней не знаю. Надо будет о ней когда-нибудь порасспрашивать брата <Альберта>». И такое могло быть. Александра Михайловна Рубцова умерла от болезни сердца 26 июня 1942 года, а похоронена (предположительно, точных данных пока нет) на Введенском кладбище Вологды (возможно, вместе с дочерью Надей). Могила её (их) утеряна...

5.

Коля Рубцов навсегда запомнил 26 июня 1942 года: «...Однажды он <брат Алик> пришёл ко мне в сад и сказал: — Пойдём в кино. — Какое кино? — спросил я. — «Золотой ключик», — ответил он. — Пойдём, — сказал я. Мы посмотрели кино «Золотой ключик», в котором было так много интересного, и, счастливые, возвращались домой. Возле калитки нашего дома нас остановила соседка и сказала: «А ваша мама умерла». У неё на глазах показались слёзы. Брат мой заплакал тоже и сказал мне, чтоб я шёл домой. Я ничего не понял тогда, что такое случилось, но сердце моё содрогнулось...». Единственную неточность и допустил Рубцов в рассказе, сообщая, мол, Вологду бомбили. Этого не было, тем более в том квартале на улице Ворошилова, где стоял тогда дом №10, квартал «деревяшек» непременно выгорел бы дотла.

У Коли Рубцова ещё нет ощущения семейной катастрофы, а она уже случилась. События второй половины лета 1942 года — это первый известный «бунтарский» период в биографии Рубцова. А Коле всего шесть с половиной лет! Тем летом случился первый побег из дома. Хозяйка квартиры Ульяновская объявила, что Коля украл продуктовые карточки. Мальчуган убегает из дома и несколько дней где-то пропадает (вроде бы «в лесу под ёлкой», что очень сомнительно; всего скорее примкнул к какой-нибудь группе беспризорников, которые летом обычно устраивали свои «клогова» на берегу реки Вологды между штабелями брёвен, есть и такие воспоминания вологжан военного времени).

В том-то и дело, что выстраивая поведенческие модели любого *поэта*, многие опираются чаще всего только на личный, очень ограниченный житейский опыт, основной ценностью которого обычно является достижение эфемерного «счастья», предположим, — семейного или общественного. Но поэт приходит в этот мир не для житейского счастья («На свете счастья нет...»), — снова и снова Пушкин!), а для познания и отражения в поэзии всего объёма земной и космической жизни. Как это и произошло с Николаем Рубцовым.

Не раз говорилось по различным поводам, что детдомовец Коля Рубцов — это *человек без детства*, достойный либо ненормальной жалости, либо постоянной заботы со стороны общества и государства. Это какое-то общепринятое настроение ума по отношению к детдомовцам. Как ведь только их не называли — и «сироты казанские», и «дети подземелья» (по-видимому, по аналогии с популярной тогда повестью Владимира Короленко), и совсем грубо и жестоко — «голодранцы». А вот в селе Никольском было и местное определение, так сказать адаптированное к деревне — «голодные овцы». Наверное, гурьба детдомовцев и правда временами напоминала кому-то стадо овец, опрометью бегущее к хозяйке с куском хлеба в руках — в наблюдательности русскому крестьянину не откажешь.

Трудно судить насчёт «стыдился сиротства», ведь из воспоминаний о поэте известно, что Рубцов рассказывал о своём детдомовском детстве довольно часто, правда, обычно матерям своих товарищей или близким женщинам. Особенно — матерям друзей! Возможно, в этом проявлялся известный «детдомовский синдром»: повсюду искать понимающую, сердобольную душу и хоть как-то попытаться объяснить «погрешности» своего характера и общественного положения.

Более того, если бы Николай Рубцов оказался «человком без детства», то нам явился бы *другой* поэт! Просто детство Рубцова *как бы* раскололось на две зеркальные части, хотя во временной составляющей его биографии оно должно пониматься целостно и неделимо.

Одна «часть» — в многодетной семье со своими трагедиями и горестями, но всё-таки с семейным укладом, с отцовским и материнским приглядом, с заботой сестёр и братьев и других многочисленных родственников (что и говорить, основы *личности* закладываются до пяти-шести лет, а дальше идёт накопление знаний и опыта). Другая — да, «сиротская», бессемейная, но не лишённая своих плюсов, в частности — глубокого познания многих других людей, отличных по мировоззрению и воспитанию от первоначального круга его семьи и потом ставшими ролевыми персонажами его стихов.

А в случае с Николаем Рубцовым есть и ещё один несомненный плюс: оба его детдома были «вписаны» в окружающую природную среду, что и позволило ему рано почувствовать себя «природным человеком», и что, как справедливо много раз отмечалось, нашло широчайшее отражение в его поэзии. И ещё неизвестно, смог бы Николай Рубцов так глубоко постичь русскую природу, если бы, предположим, остался в Вологде — вроде бы в те годы и «большой деревне», но всё-таки, как и в любом мало-маль-

ски большом городе, в очевидном отторжении от природного начала («город» — на то и город, чтобы от природы «отгородиться»).

6.

Николай Рубцов не забывал своё детство: и «раннее» — в семье, и «позднее» — в детдомах. Вот строки из письма Николая Рубцова 1959 года Валентину Сафонову: «Ночами часто предаюсь воспоминаниям. И очень в такие минуты хочется вырваться наконец на простор, поехать куда-нибудь, посмотреть на давно знакомые памятные места, послоняться по голубичным болотам да и по земляничным полям или посидеть ночью в лесу у костра и наблюдать, как чёрные тени, падающие от деревьев, передвигаются вокруг костра, словно какие-то таинственные существа. Ужасно люблю такие вещи...». «Ужасно люблю такие вещи» — конечно же о детских годах, других «голубичных болот» и «земляничных полей» к тому времени у Рубцова ещё не отмечалось, он вернётся к ним через три-четыре года.

О детдомовской жизни в «деревне Николе» осталось довольно много воспоминаний. Это даже странно: полуголодное детство не должно было принести так много здоровья, что детдомовцы в среднем прожили так много. Но какие-то драгоценные крупинки свидетельств ныне зафиксированы. И теперь можно довольно сносно картину детдомовской «житухи» представить. Это очень важно. Нет сомнения, что там нужно искать многие ключи к судьбе и личности поэта.

Поразительно, но вполне объяснимо, что многие детдомовцы вспоминают о той жизни с известной долей ностальгии. Ещё бы: ведь это их детство! Правда, должно насторожить мнение Анатолия Мартюкова, товарища Коли Рубцова в детдомовские годы.

Вот тот же Анатолий Мартюков: «Трудно человеку из семьи с матерью и отцом понять законы детдомовской общины. Они естественны и обязательны. Дети, родственные по судьбе, крепче сплачиваются, не знают барьера несовместимости. Войди в этот мир с миром и будешь «братом навеки». Злоба и ложь отвергаются, предательство — вне закона. Сожалуют, взрослея, детдомовцы лишь о том, что крепость нитей первой дружбы не прочнее семейных. Детство не часто страдает муками разлук. Только когда-то, позже, берedit воспоминаниями...»

Нельзя отрицать, что автор цитаты попытался определить некоторые общие законы «детдомовщины». Здесь многого не поймешь, если сам не испытал подобного. Хотя, кажется, есть много и надуманного. Поскольку в военные и послевоенные годы было слишком много тех, кто прошёл детдом, то они создали своеобразный миф о своем житье. На самом деле там действовали правила, характерные для любого общежития детей, ограниченного определенными препятствиями для их свободы.

Теперь нужно обратиться к воспоминаниям, которые укажут на некоторые свойства личности ребёнка Коли Рубцова. «Можно ещё долго продолжать подобные воспоминания, но выбрав самые характерные, легко

можно представить образ Коли Рубцова-детдомовца. Что это дает? Любые свидетельства о том времени ценны и необходимы исследователю. И они, наверное, многое могут рассказать внимательному читателю, особенно — знакомому с детдомовской средой. Однако не покидает ощущение, что внешние детали, о которых так много вспоминают друзья Николая Рубцова по детдому, не дают полного представления о его внутренней жизни.

Но вполне можно из пестрой мозаики воспоминаний детдомовцев Никольского «приюта» выделить несколько важных моментов. Почти все вспоминают, что Коля был очень впечатлительным мальчиком. Это свойство могло быть врождённым. Трагические события раннего детства, без сомнения, развили такую впечатлительность до сверхъестественности, а это для подлинного поэта наиважнейшее свойство. Другое качество личности Коли Рубцова — отличная память! Нет ничего удивительного в том, что уже потом, в зрелые годы, Рубцов-поэт обходился без черновиков, память всегда служила ему огромным подспорьем и можно не сомневаться в том, что он «унёс» с собой «целый сборник стихов». Надо поверить и в то, что кому-то мальчик Рубцов показался «ласковым» и заботливым. Вероятно, он как-то со временем сумел обуздать свои *резкости* характера, отмеченные ещё в Краскове. По-иному и быть не могло: пришла пора становления *поэта* Николая Рубцова.

Так получается, что трудно определить тот момент, когда детство детдомовца Николая Рубцова заканчивается и начинается отрочество. Наверное, это произошло без резких сдвигов в поведении Рубцова-подростка. Какой-то условной границей тут можно считать 1946 год. Коле Рубцову — десять лет, испытаний пройдено много, и наступает такой период в биографии, чтобы начать долгий путь к вершинам поэзии. Именно к этому времени относятся и первое достоверное стихотворение «Зима», сочинённое юным поэтом.

Скользят
Полозья детских санок
По горюшке крутой.
Дети весело шебечут,
Как птицы раннюю порой.

Считается, что это перифраз известного стихотворения Ивана Сурикова «Детство»: «*Вот качусь я в санках По горе крутой...*» Но такие впечатления могли быть у любого деревенского мальчишки; можно привести десятки стихов подобного плана. Вот, например, Афанасий Фет: «...*Уж теперь не будет спору: За салазки, да и в гору Весело бежать!*» — а эти стихи по настроению даже более близки строкам Коли Рубцова, чем у Сурикова. Словом, нет смысла искать «первоисточник» для подражания у юного стихотворца.

А духовно-эстетическое становление русского поэта Николая Рубцова только начинается...

(Публикуется в сокращении)